

И О В Ъ И Ѹ
М Ѹ Р

11

1(9) (6) 4t

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XL

№ 1

Январь, 1964 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. КУЗНЕЦОВ — У себя дома, повесть	3
С. МАРШАК — Лирические эпиграммы	98
СТЕПАН ЩИПАЧЕВ — Пряжа и ткачиха; Вьюга в Подмоскowie, стихи	100
ЛЕОНИД ВОЛЫНСКИЙ — Двадцать два года	102
МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ — Тайна осенней листвы; Кленовые листья; Дождик; Неугомонное сердце; Последние розы; Огни моего города; Что я ненавижу и что я люблю, стихи. С украинского. Авторизованный перевод Дмитрия Седых	119
И. ШМЕЛЕВ — Из прошлого	124
ДЖОН МОРРИСОН — Австралийские рассказы: Мы мужчины...; Бунт Рори О'Мэхони. Перевела с английского И. Архангельская	144
УМБЕРТО САБА — Стихи разных лет. Перевел с итальянского Евгений Солонович	164

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

Ю. ЧЕРНИЧЕНКО — Целинная дорога	166
---------------------------------	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Я. ТАВРОВ — Год минувший и год наступающий	186
Е. ГНЕДИН — Судьба европейского наследства	202

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

В. ЛАКШИН — Иван Денисович, его друзья и недруги	223
--	-----

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

<i>Литература и искусство</i>	246
Л. Лебедева. Люди на «Воейкове». — Вл. Солоухин. Годы и судьбы. — Ф. Светов. «Просто» или «не просто» детектив? — Е. Алексанян. Книга о мастере прозы. — Н. Мауцев. Новый библиографический указатель. — А. Синявский. «Пойдем со мной...»	

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

«ПОЙДЕМ СО МНОЙ...»

Роберт Фрост. Из девяти книг. Перевод с английского под редакцией и с предисловием М. А. Зенкевича. Издательство иностранной литературы. М. 1963. 144 стр.

Знакомство советских читателей с Робертом Фростом только началось. Но уже первые, по преимуществу журнальные, публикации, первые встречи с творчеством американского поэта позволяли судить о размерах открывшегося перед нами явления. Тем больший интерес вызывает сборник «Из девяти книг», выпущенный Издательством иностранной литературы и демонстрирующий поэзию Фроста на длительном ее протяжении, с девяностых годов прошлого века до шестидесятых нынешнего, в переводах М. Зенкевича, И. Кашкина и А. Сергеева. В отдельных образцах этот сборник довольно широко и целостно охватывает наследие Фроста, а главное — доносит дыхание его поэтического мира.

Искусство больших поэтов, как правило, имеет несколько уровней глубины, воздействия, постижения и поражает разнообразием связей, неожиданностью контактов, которые оно устанавливает с сознанием поколений. Сама природа искусства предполагает многомерное — для разных людей разное — погружение в мир художественных образов, переполненных смыслом и тающих в себе нескончаемые возможности понимания. Каждая эпоха заново прочитывает

классиков. Да и в пределах нашего индивидуального восприятия каждый может заметить, что безусловная содержательность прочитанного и увиденного оставляет в душе след, подобный обещанию на дальнейшие, еще более удивительные открытия. Мы способны по многу раз возвращаться к одной книге и, расставаясь с нею, всякий раз ощущаем, что она только ждет нового случая, чтобы опять рассказать нам что-то несслыханное.

Именно это чувство затягивающей глубины, ощущение заманчивой, убегающей перспективы возникает у вас, когда вы впервые вступаете в поэзию Фроста, и растет по мере того, как вы вчитываетесь в нее и живаетесь. Но помимо впечатляющей силы, всегда присущей искусству и тем более властной, чем произведение совершеннее, здесь сказывается и специфический фростовский взгляд на вещи, манера изображения. Фрост воспроизводит действительность преимущественно в таких поворотах, что картина, им нарисованная, сама мало-помалу вас заманивает и затягивает.

Его картины — и это уловлено в ряде предлагаемых переводов — стереоскопичны. Они обступают зрителя, как деревья в лесу,

за которыми то и дело проглядывают другие стволы и просветы, создающие иллюзию, что там, за очередным поворотом, будет достигнута цель, которую мы невольно преследуем, пока не замечаем, что лесу нет конца, а то, ради чего мы пустились в дорогу, собственно говоря, находится уже у нас за спиной. Эта аналогия с прогулкой по лесу напрашивается при чтении Фроста. Его лирика не только богата такого рода мотивами (естественными для человека, живущего на природе), но, можно сказать, основана на подобном «вхождении» поэта (а за ним и читателя) в изображаемый мир, представленный в трех измерениях и преисполненный таинственной, увлекательной глубины и значительности всего, что в нем происходит. Уже пристальное внимание автора к самым обыкновенным вещам, подчеркнутая конкретность и какая-то многообещающая обстоятельность рассказа о том, что его окружает,—заинтриговывают нас и наводят на подозрение, что не все так обыкновенно и просто в жизни, как это может показаться с первого взгляда,—лишь стоит оглянуться и приглядеться к местности, куда нас завели.

В ненастный день, бродя по мерзлой топи.
Я вдруг подумал: «Не пора ль домой?
Нет, я пройду еще, а там посмотрим».
Был крепок наст, и только кое-где
Нога проваливалась. А в глазах
Рябило от деревьев тонких, стройных
И столь похожих, что по ним никак
Не назовешь и не заметишь место,
Чтобы сказать: ну, я наверняка
Стою вот здесь, но уж никак не там.
Я просто знал, что был вдали от дома.

Так начинается стихотворение Фроста «Дрова». И хотя поначалу речь ведется в обыденном, непринужденном тоне (а скорее именно в силу этой ненавязчивой, ни к чему не обязывающей, но внимательной к миру неторопливости рассказа), мы незаметно проникаемся окружающим увиденным и, сделав первый шаг, уже заодно с поэтом не можем сказать, стоим ли мы «вот здесь» или «там». Мы уже перемещаемся по лесу, по ходу повествования, вслед за случайной птичкой, что, перепархивая от дерева к дереву, уводит нас все глубже и дальше, пока наконец не наталкиваемся на поленицу дров, брошенную кем-то в лесу бог весть почему и когда, не наталкиваемся на мысль, к которой нас подвели путем медленно разворачивающегося, обстоятельного рассказа, самого по себе, казалось бы, ничем

не примечательного, если бы все здесь прямо или косвенно не вело к этой авторской мысли и не освещалось ею издали, задолго до того, как она оформилась в виде философической ламентации по поводу брошенных дров и отсутствующего хозяина:

Рубили здесь не в нынешнем году.
Да и не в прошлом, и не в позапрошлом.
Пожухла древесина, и кора
Растрескалась, скрутилась и отстала.
Осела кладка. Цепкий ломанос
Уже схватил поленья, как вязанку.
И слева их держало дерево,
А справа — кол и ветхая подпорка,
Готовые упасть. И я подумал,
Что только тот, кто вечно видит в жизни
Все новые и новые задачи,
Мог так забыть свой труд, труд топора,
И бросить здесь, от очага вдали,
Дрова, чуть согревающие топь
Бездымным догоранием распада.

Человек, чье непостоянство вызвало у рассказчика упреки и сожаления, как таковой, как действующее лицо отсутствует, даром что действие развивается по направлению к нему, виновнику происшедшего, смысловому и композиционному фокусу стихотворения. Роберту Фросту свойственны этого типа поэтические композиции, в которых источник действия вынесен за кулисы либо расположен в некотором удалении, где-то в стороне, позади, и бросает оттуда рассеянный свет на авансцену рассказа. Благодаря боковому свету сгущается драматичность события, создается впечатление глубины, объемности, протяженности во времени и пространстве. Фигуры переднего плана, повернутые лицом к источнику, их освещающему, в этом резком ракурсе меняют свое значение и обретают новую, дополнительную осмысленность, иной раз превосходящую их собственную первоначальную данность.

Так, стихотворение Фроста «Смерть батрака» строится на бытовом диалоге хозяина и хозяйки фермы, спорящих между собою, пустить или нет в дом старого батрака, вернувшегося с дороги и не представляющего больше для них практического интереса. Но этот передний план, в котором отсутствует главный герой и предмет разговора — батрак, — служит экраном, позади которого, за стеною, тем временем совершается главное: пока о нем судачат и препираются, человек умирает. Лишь в самом конце мы узнаем об этом, но трагический финал, то, что происходит невидимо для нас, за стеною, просве-

Телескоп, превратившийся в Звездокол и как бы совместивший в себе колку дров с созерцанием звезд,— вот образ в духе Фроста, всегда стремившегося к тому, чтобы соотнести противоположные планы и таким путем вывести средствами поэзии целостную концепцию мирового бытия.

Таков был Звездокол, и колка звезд.
Наверное, приносит людям пользу,
Хотя и меньшую, чем колка дров.
А мы смотрели и гадали, где мы?
Узнали ли мы лучше наше место?
И как соотнести ночное небо
И человека с тусклым фонарем?
И чем отлична эта ночь от прочих?

Русскому читателю может показаться странным, что в большом и вместительном поэтическом мире Фроста не нашлось места индустриальному городу, технике и другим сторонам современной цивилизации, обязательным, в нашем представлении, для американского образа жизни. У него мы не заметим машин и небоскребов, но увидим цветы и деревья с душой живых существ, услышим пение птиц и даже встречаем оленей, как если бы всю страну, которой он отдал себя, покрывали леса и пастбища. Урбанистические мотивы менее его трогают, чем античные эклоги. Несмотря на это (что хорошо чувствуется и в переводах на русский язык), Фрост остается поэтом ярко выраженного национального и притом вполне современного склада. Но его тяготение к сельской жизни, к провинции не случайно: философско-эстетическая направленность лирики Фроста прочно связана с идеалом цельного, здорового человека, с традициями борьбы за независимость Америки, с верностью демократии Беннамина Франклина, Томаса Джефферсона, Авраама Линкольна. Близость к природе, к деревенскому труду, к почве служила ему залогом нравственной чистоты, непосредственности и духовной свободы, которые он не променял бы ни на какие блага комфорта и технического прогресса, вызывавшего у Фроста достаточно скептическое отношение (см., например, стихотворение «Научная фантастика»). Отсюда же и его апелляция к прошлому, возврат к «истокам», к «основам», не исключавшие вместе с тем открытого взгляда в будущее, притягия жизни в самом широком смысле.

Бесспорно, поэт-философ, привыкший ходить пешком и, наблюдая жизнь, размышлять над ее истоками, Фрост не совпадает с современными темпами. Но он смотрит в глубь вещей, мелькающих на поверхности, и потому его медлительный, задумчивый шаг подчас их обгоняет. Все его творчество звучит как приглашение в дорогу по старой, родной земле, где за любой безделицей скрывается новое чудо.

Пойду на луг прочистить наш родник.
Я разгребу над ним опавший лист,
Любуюсь тем, как он прозрачен, чист.
Я там не задержусь.— Пойдем со мной.

Стихотворение, откуда взяты эти строки, послужило эпиграфом ко всему сборнику переводов из Роберта Фроста, к книге безусловно удачной, подготовленной с тщательностью и поэтическим вкусом. О высокой культуре стихотворного перевода, с какою она выполнена, можно было бы сказать много добрых слов, если бы чувство живого общения с истинной поэзией, чувство, вынесенное из знакомства с книгой, не делало это излишним и не покрывало бы все остальное. Хочется лишь отметить, что наряду с такими известными мастерами, как Михаил Зенкевич и Иван Кашкин, в сборнике широко представлен молодой поэт Андрей Сергеев, которому, в частности, принадлежат прекрасные переводы особенно сложной и, пожалуй, наиболее интересной повествовательной лирики Фроста.

В итоге остается пожелать, чтобы в дальнейшем сборник стихотворений Фроста был переиздан в расширенном виде. У этой поэзии большое будущее, длинный путь.

Когда я устаю от размышлений
И жизнь мне кажется дремучим лесом,
Где я иду с горящими щеками,
А все лицо покрыто паутиной,
И плачет глаз, задетый острой веткой,—
Тогда мне хочется покинуть землю,
Чтоб, возвратившись, все начать сначала.
Пусть не поймет судьба меня превратно
И не исполнит только половину
Желания. Мне надо вновь на землю.
Земля — вот место для моей любви.—
Не знаю, где бы мне любилось лучше.
И я хочу взбираться на березу
По черным веткам белого ствола
Все выше к небу — до того предела,
Когда она меня опустит наземь.
Прекрасно уходить и возвращаться...

А. СИНЯВСКИЙ.